

ДОМ НА МАНГО-СТРИТ

Сандра
Сиснерос

PEN AMERICA
Премия
имени Набокова

Для поклонников романа
«Дерево растет в Бруклине»
Бетти Смит

Сандра Сиснерос
Дом на Манго-стрит

«ЭКСМО»

1984

УДК 821.111(72)
ББК 84(7Мек)-44

Сиснерос С.

Дом на Манго-стрит / С. Сиснерос — «Эксмо», 1984

ISBN 978-5-04-101284-7

Что делает нас такими, какие мы есть? Окружение? Но если оно тебе совсем не нравится, можно ли из него вырваться? Что для этого требуется? Чикаго, бедный иммигрантский район, конец XX века. Эсперанса стыдится дома на Манго-стрит, в котором живет со своей огромной шумной семьей, она мечтает скорее вырасти, сбежать из родного города и стать писательницей. Эсперанса наблюдает за соседями: их жизнь очень трудна, но они каким-то чудом умудряются быть счастливыми. Хотя в этом нет ничего странного, нищета – это ничто, если ты силен духом, не поддаешься грусти, стремишься к свободе и верен мечтам.

УДК 821.111(72)

ББК 84(7Мек)-44

ISBN 978-5-04-101284-7

© Сиснерос С., 1984

© Эксмо, 1984

Содержание

Дом на Манго-стрит	5
Волосы	7
Мальчики и девочки	8
Мое имя	9
Кэти – Королева кошек	10
Наш хороший день	11
Смех	13
«У Гила»: покупка и продажа мебели	14
Меме Ортис	15
Луи, его кузина и кузен	16
Марин	17
Те, кто не...	18
Жила-была старая женщина, у которой было много детей, и она не знала, что с ними делать	19
Алисия, видящая мышей	20
Дариус и облака	21
И еще немного облаков	22
Семья с маленькими ногами	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сандра Сиснерос

Дом на Манго-стрит

Посвящая Женщинам

Дом на Манго-стрит

На Манго-стрит мы жили не всегда. До нее был третий этаж дома на Люмис-стрит, а перед ней – Келер-стрит. Еще раньше мы обитали на Паулина-стрит, а что было до нее – я уже не помню. Но помню, что мы много переезжали. Каждый новый переезд означал лишь одно – нас снова стало больше. Когда мы, наконец, добрались до Манго-стрит, наша семья уже состояла из шести человек – Мама, Папа, Карлоса, Кики, моей сестры Нэнни и меня.

Дом на Манго-стрит принадлежит только нам. Не нужно платить за аренду, или делить сад с соседями, или вести себя слишком тихо, только чтобы домовладелец рассерженно не заколотил метлой по потолку. Несмотря на это, дом не оправдал наших ожиданий.

С квартиры на Люмис-стрит мы съезжали в большой спешке. Прорвало трубы, и домовладелец не стал их чинить – дом все равно был слишком старым. Мы пользовались соседской уборной и таскали воду в пустых баллонах из-под молока. Пришлось делать ноги. Вот почему Мама и Папа искали новое жилье, и вот почему мы переехали в дом на Манго-стрит – далеко-далеко, на другой конец города.

Родители всегда говорили, что однажды мы заживем в своем доме. Настоящем доме, нашем навсегда, из которого не нужно уезжать. И что в нашем доме будут большие работающие трубы со свежей водой, настоящие лестницы, только наши, как в домах, что показывают по телевизору, а не те, что приходилось постоянно делить с соседями по коридору. Подвал и минимум три ванные комнаты, чтобы мыться в любое время, не предупреждая остальных. Мы мечтали о белом доме, окруженном деревьями и садом с травой, которая не пряталась бы за забором. Таким дом описывал Папа, держа в руках лотерейный билет, и именно таким был дом, о котором Мама рассказывала нам перед сном.

Но дом на Манго-стрит оказался совершенно другим. Он маленький, красный, с низкими ступеньками у входа и окнами, узкими настолько, что кажется, будто они задерживают дыхание. Кирпичи разваливаются на кусочки, а дверь распухла так, что приходится толкать ее изо всех сил, чтобы войти внутрь. Сада нет и в помине – только четыре тощих вяза, посаженных вдоль тротуара. За домом есть небольшой гараж для несуществующей у нас пока машины и скромный клочок земли, который кажется совсем крошечным из-за зданий, находящихся рядом. Внутри дома имеется лестница, точь-в-точь такая же, какой мы пользовались с соседями, и лишь одна ванная. Каждому из нас нужно делить комнату с кем-то: Маме с Папой, Карлосу с Кики, а мне – с Нэнни.

Однажды, когда мы еще жили на Люмис-стрит, мимо нашего дома проходила одна из монахинь, работавших в моей школе. Я играла на переднем дворе. Прачечная наверху была наглухо заколочена – ее ограбили два дня назад, и хозяин написал поверх досок жирное **ДА МЫ ОТКРЫТЫ**, чтобы не растерять клиентов.

- Где ты живешь? – спросила монахиня.
- Там, – ответила я, указав на третий этаж.
- Ты живешь *там*?

Там. Мне пришлось посмотреть туда, куда смотрела она: третий этаж, облезлые стены, старательно закрытые деревянными брусками окна – лишь бы не вывалились. Ты живешь *там*?

Тон, с которым она это сказала, заставил меня почувствовать себя никем. *Там. Я жила там.* Я кивнула.

Тогда я поняла, что мне нужен свой дом. Настоящий дом. Дом, на который я могу указать. Но это не то. Дом на Манго-стрит – не то. Это временно, говорит Мама. Временно, поддакивает Папа. Но я-то знаю, как обычно решаются такие дела.

Волосы

У всех в нашей семье разные волосы. Папины похожи на старую метелку – так и торчат по сторонам. Мои – непослушные. Их не приструнишь ни заколкой, ни лентой. Волосы Карлоса густые и длинные, ему даже не надо их расчесывать. Волосы Нэнни жидкие – так и норовят ускользнуть из рук. А волосы Кики, самого младшего из нас, мягкие, как пух.

Но волосы моей матери похожи на бантики, на крошечные крендельки – кудрявые и красивые, потому что она использует маленькие бигуди; в ее волосы приятно уткнуться носом, когда она обнимает тебя, и ты чувствуешь себя в безопасности; их запах напоминает аромат свежего хлеба – он такой же теплый; запах, который сливается с ее кожей, когда она чуть двигается, чтобы уступить тебе место в кровати, и ты спишь рядом с ней, слушая, как о подоконник стучит дождь и как громко храпит Папа. Его храп, дождь и волосы Мамы – все пахнет хлебом.

Мальчики и девочки

Мальчики и девочки живут в разных мирах. У каждого своя вселенная. Например, мои братья. Они могут сколько угодно разговаривать со мной и с Нэнни. Но стоит им выйти из дома, как беседовать с девочками становится нельзя. Карлос и Кики – лучшие друзья. Но не наши друзья.

Нэнни еще слишком мала, чтобы с ней дружить. Она всего лишь моя сестра, и в этом никто не виноват. Сестер не выбирают, ты просто получаешь их, и иногда они похожи на Нэнни.

Она не может играть с детьми из семейства Варгас, не то нахватается от них плохого. И поскольку она младше, я отвечаю за нее.

Однажды у меня появится лучшая подруга. Подруга, которой я смогу рассказать все секреты. Подруга, которая без пояснений поймет любую мою шутку. Но до этого дня я – болтающийся красный шарик, который привязали к столбу.

Мое имя

На английском мое имя означает «надежда». На испанском – просто слишком много букв. Оно означает и печаль, и ожидание. Оно чем-то напоминает цифру девять – такое же изогнутое и подозрительное. Или мексиканскую музыку – песни, больше похожие на плач. Отец слушает их воскресными утрами, когда бреется.

Это имя когда-то принадлежало моей прабабушке, а теперь принадлежит мне. Как и я, прабабушка родилась в год лошади по китайскому календарю – считается, что такие женщины приносят несчастье. Но я думаю, эту ложь придумали китайцы, потому что они, как и мексиканцы, не любят сильных женщин.

Моя прабабушка. Мне бы хотелось узнать ее, эту сильную женщину, родившуюся в год лошади. Настолько сильную, что она отказывалась выходить замуж. Ровно до тех пор, пока мой прадедушка не накинул ей на голову мешок и не увез ее. Вот так просто, как если бы она была не человеком, а какой-нибудь красивой люстрой.

Говорят, она никогда не простила его. Как и многие женщины, она всю жизнь просиживала свою грусть у окна. Иногда я думаю – довольствовалась ли она тем, что имела, или сожалела о том, как многого не сделала? Эсперанса. Я унаследовала ее имя, но я не хочу унаследовать ее место у окна.

В школе говорят, что мое имя смешное, будто бы его слоги сделаны из жестяной стружки и царапают небо. Но на испанском оно звучит мягче, как серебро, и не так жестко, как имя моей сестры – Магдалена. Оно уродливей моего. Но дома Магдалена превращается в Нэнни. А я – всегда Эсперанса.

Мне бы хотелось креститься под новым именем. Именем, которое больше похоже на меня – ту меня, которую никто не видит. Лисандра, или Мартиза, или Зезе Икс вместо Эсперансы. Да. Что-нибудь похожее на Зезе Икс вполне сойдет.

Кэти – Королева кошек

Она говорит, что приходится дальней кузиной королеве Франции. Она живет этажом выше, по соседству с Пугающим Джо. Держитесь от него подальше, советует она. Он полон опасностей. Бэнни и Бланка держат бакалейную лавку за углом. Они хорошие, только запрещают облакачиваться о витрину со сладостями. Две девочки, худые и ободранные, словно крысы, живут напротив. Лучше вам их не знать. Эдна – владелица соседнего здания. Когда-то ей принадлежало другое, большое, как кит, но ее брат продал его. Мать умоляла не делать этого. И Эдна согласилась. Но, стоило сестре потерять бдительность, как брат в мгновение ока избавился от него. Алисия, стоило ей поступить в колледж, стала очень высокомерной. Раньше я ей нравилась, но теперь уже нет.

У Кэти – Королевы кошек – много кошек, котов и котят. Совсем крошечных котят, больших котов, худых котов, больных котов. Кошек, сворачивающихся калачиком, когда спят. Кошек, сидящих на холодильнике. Котят, шастающих по обеденному столу. Ее дом похож на кошачий рай.

Ты хочешь найти подругу, говорит она. Хорошо, я буду твоей подругой. Но только до следующего вторника. В следующий вторник мы переезжаем. Должны переехать. Затем, словно позабыв о том, что я сама только что переехала, она сообщает, что наш район – очень неблагополучный.

Однажды отец Кэти полетит во Францию, отыщет далекую кузину и унаследует ее богатый дом. Откуда я это знаю? Кэти мне рассказала. А пока они попросту перебираются на север от Манго-стрит, чуть подальше от места, где живут такие люди, как мы.

Наш хороший день

– Если ты дашь пять долларов, я стану твоей подругой насовсем, – сообщает та, что помладше.

Пять долларов – небольшая цена для дружбы, но раз уж у меня нет других подруг, кроме Кэти, которая переезжает во вторник, то я соглашусь.

Пять долларов, пять долларов.

Она пытается найти кого-нибудь, чтобы вместе купить велосипед у мальчишки по имени Тито. У них с сестрой уже есть десятка, и теперь они пытаются раздобыть оставшиеся пять.

– Только пять долларов, – повторяет она.

– Не разговаривай с ними, – говорит Кэти. – Неужели ты не чувствуешь – от них воняет, как от старой метлы!

Но они мне нравятся. Их одежда старая и поношенная. Они надели свои лучшие блестящие туфли, но у них не было носков. Поэтому их голые колени красные-красные, но сестры все равно мне нравятся. Особенно старшая, улыбающаяся во весь рот. Она нравится даже больше, несмотря на то, что переговоры ведет младшая.

– Пять долларов, – снова произносит она. – Всего пять.

Кэти дергает меня за локоть, и я понимаю: то, что я собираюсь сделать, сильно ее разозлит.

– Подождите минутку! – кричу я и бегу домой за деньгами. У меня есть три доллара сбережений, а остальные два я позаимствую у Нэнни. Ее пока нет дома, но я уверена – она будет очень рада, когда узнает, что у нас теперь есть велосипед. Вернувшись, я увидела, что Кэти ушла. Так я и думала, но мне все равно! Теперь у меня есть две новые подруги и велосипед.

– Меня зовут Люси, – представляется старшая. – А это Рейчел, моя сестра.

– Я ее сестра, – поддакивает Рейчел. – А ты кто?

О, как бы мне хотелось, чтобы меня звали Кассандра, или Алексис, или Мартиза – как угодно, только не Эсперанса, – но когда я называю свое имя, никто из них не смеется.

– Мы из Техаса, – ухмыльнувшись, говорит Люси. – Она родилась здесь, но я – в Техасе.

– Ты имеешь в виду *она*? – спрашиваю я.

– Нет, – непонимающе отвечает та. – Я из Техаса.

– Велосипед принадлежит нам троим, – говорит Рейчел, которая уже успела все обдумать. – Сегодня он мой, завтра – Люси, а послезавтра – твой.

Но каждая хочет покататься уже сегодня, ведь он такой блестящий и новый. Поэтому мы решаем начать очередь с завтра. А сегодня он принадлежит всем нам.

Я пока не говорю им о Нэнни. Это слишком сложно. Особенно после того, как Рейчел чуть не выколола глаз Люси, пока они спорили, кто поедет первым. Но в конце концов мы решаем поехать вместе. Почему бы и нет?

У Люси длинные ноги – она крутит педали. Я сижу позади нее, а Рейчел достаточно худая, чтобы вскарабкаться на руль. Велосипед становится шатким, будто спицы сделаны из лапши, но вскоре мы привыкаем.

Мы едем быстрее и быстрее. Мимо моего дома из красного кирпича, грустного и обветшавшего, мимо бакалейной лавки мистера Бэнни на углу улицы и вдоль по проспекту, кататься по которому опасно. Прачечная, лавка старьевщика, аптека, окна и машины, и еще больше машин, и, сделав круг, назад на Манго-стрит.

Люди машут нам из автобуса. Очень толстая леди, переходящая дорогу, кричит вслед:

– Ну вы и загрузились!

Рейчел орет ей в ответ:

– Ну вы тоже загрузились!

Она очень дерзкая.

Мы едем по Манго-стрит. Рейчел, Люси и я. На нашем новом велосипеде. Пошатываясь и смеясь, мы разъезжаемся по домам.

Смех

Мы с Нэнни не похожи на сестер... не совсем. Не так, как Рейчел и Люси – губы обеих напоминают толстые леденцы, как и у всех остальных в их семье. Но я и Нэнни похожи гораздо больше, чем вы можете подумать. Например, наш смех. Он не похож на тонкое хихиканье, подобное колокольчику мороженщика, как у Рейчел, Люси и всех остальных в их семье. Он скорее громкий и внезапный, как звон разбившихся тарелок. У нас еще много общего, чего я не могу объяснить.

Однажды мы проходили мимо дома, который, как мне казалось, напоминал дома в Мексике. Я не знаю почему. Он не был похож на дома, которые я помнила. Я даже не уверена, почему об этом подумала, но тогда мне казалось, что я права.

– Поглядите на этот дом, – сказала я. – Он похож на дома в Мексике.

Люси и Рейчел посмотрели на меня так, будто я была сумасшедшей. Но прежде чем они разразились смехом, Нэнни подтвердила:

– Да, точь-в-точь как в Мексике. Именно об этом я и думала.

«У Ги́ла»: покупка и продажа мебели

Лавка старьевщика. Она принадлежит одному старику. Однажды мы купили там подержанный холодильник, а Карлос продал ящик журналов за целый доллар. Лавка маленькая, в ней только одно маленькое окошко, которое едва пропускает свет. Хозяин не включает лампы до тех пор, пока не убедится, что у вас есть деньги, поэтому мы с Нэнни бродим в темноте и разглядываем вещи. Перевернутые столы и подержанные холодильники с округлыми углами, старые кресла, испускающие облака пыли, если к ним прикоснуться, и сотни еле работающих телевизоров. Все навалено друг на друга, и передвигаться можно только по узким проходам. Здесь легко потеряться.

Владелец, чернокожий, не сильно разговорчив, и иногда можно заметить, как в темноте за вами наблюдает пара глаз, блестящих за линзами очков в золотой оправе. Нэнни, считающая себя умной и болтающая со всеми, задает ему много вопросов. Я, в свою очередь, никогда с ним не говорила. За исключением того момента, когда купила маленькую статую Свободы за двадцать пять центов.

Но Нэнни другая. Однажды я услышала, как она интересуется:

– А что это такое?

Он отвечает:

– Это музыкальная шкатулка.

И я быстро обернулась, надеясь увидеть *красивую* шкатулку, украшенную цветами, с танцующей балериной внутри. Но старик указывал на старую деревянную коробку с дырявой медной пластинкой внутри. Затем он попытался ее включить, и началось нечто странное. Он словно выпустил миллионы мохнатых мотыльков, которые, отбросив причудливые изогнутые тени, осели на пыльной мебели и на нашей коже. Звуки, которые они издавали, были похожи на капли воды. Или на мелодию маримбы¹, только обрывистее и смешнее, словно бы ты пробежал пальцами по зубьям металлической расчески.

А затем я не знаю почему, но мне пришлось отвернуться и сделать вид, будто шкатулка меня совсем не интересует, чтобы Нэнни не заметила, насколько я глупа. Но Нэнни глупее меня, и поэтому ее пальцы уже лихорадочно шарили по карманам в надежде отыскать там монеты в пятнадцать центов.

– Это, – говорит старик, захлопывая крышку шкатулки, – не для продажи.

¹ Маримба – мексиканский ударный музыкальный инструмент, родственник ксилофона.

Меме Ортис

Меме Ортис поселился в доме, пустовавшем после отъезда Кэти. На самом деле его зовут не Меме. Его зовут Хуан. Но когда я поинтересовалась, он представился Меме – так называют его все, кроме матери.

У Меме есть сероглазый пес, пастушья овчарка с двумя именами – английским и испанским. Пес большой, словно человек, одевшийся в собачью шкуру, и он бежит так же, как его хозяин, – неуклюже и резво, размахивая конечностями, словно развязавшимися шнурками.

Отец Кэти построил дом, в котором теперь жил Меме. Дом деревянный. Полы косые. В некоторых комнатах поднимаются вверх. В некоторых уходят вниз. И нет ни одного чулана. Ко входной двери ведет двадцать одна ступенька, каждая – изогнутая и торчащая, как сгнившие зубы (Кэти говорила, что они сделаны так специально, чтобы отводить дождевую воду), и когда Меме навещает его мать, он, пошатываясь, спускается, а следом за ним спускается пес с двумя именами.

За домом есть грязный сад и сваленные в кучу грязные доски, когда-то бывшие гаражом. Но больше всего запоминается огромное дерево с раскидистыми ветвями и семейством воинственных белок, обитающих на самой верхушке. Вокруг него кучей собрались треугольные соседские крыши, покрытые черной смолой, с желобами, которые никогда не возвращали попавшие в них мячи. У основания дерева пес с двумя именами лает в пустоту, а дальше, за кварталом, наш дом, кажущийся меньше, как поджавший под себя ноги кот.

Именно это дерево мы выбрали для нашего Первого Ежегодного Соревнования по Прыжкам с Тарзанки. Победил Меме. И сломал обе руки.

Луи, его кузина и кузен

В доме Меме есть полуподвальная квартира, которую его мать привела в порядок и сдала семье из Пуэрто-Рико. Семье Луи. Луи – самый старший из детей и единственный мальчик. На самом деле он – друг моего брата, но я знаю, что у него есть кузина и кузен и что его футболки никогда не заправлены в штаны.

Кузина Луи старше нас. Она живет с семьей Луи, потому что ее родные живут в Пуэрто-Рико. Ее зовут Марин, или Марис, или как-то так, она носит черную нейлоновую одежду и сильно красится. У нее много косметики, потому что она работает в *Avon*. Она почти не гуляет – присматривает за маленькими сестрами Луи, но часто можно увидеть, как она стоит у входной двери, хрустит пальцами и поет:

Яблок, вишни, тыквы вкус:
Как в пирог, в тебя влюблюсь.

Кузена Луи мы видели только однажды, но та встреча была важной. Мы играли в волейбол в переулке, когда он проехал мимо на своем большом желтом «Кадиллаке» с белыми покрышками и желтой лентой, привязанной к зеркалу. Рука кузена Луи выглядывала из окошка. Он пару раз посигналил, и в окне дома Луи тут же появилось много лиц – сам Луи, его маленькие сестренки и Марин. А затем они спустились.

Все разглядывали машину, стараясь заглянуть внутрь, и спрашивали у водителя, откуда он достал ее. В салоне лежали белые коврики, сиденья тоже были белыми. Мы попросили нас покатасть и спросили, откуда он взял автомобиль. Кузен Луи ничего не ответил, но сесть разрешил.

Каждому из нас пришлось разместить на коленях одну из младших сестер Луи, но мы не жаловались. Сиденья были большими и мягкими, как диван, а у заднего окна лежал белый игрушечный кот, чьи глаза загорались, когда машина останавливалась или поворачивала. Здесь не нужно было крутить ручку, чтобы опустить стекла. Вместо этого была кнопка, которая работала автоматически.

Мы выехали из переулка и шесть раз обогнули квартал, но кузен Луи сказал, что заставит нас идти домой пешком, если мы не прекратим играть с окнами и переключать радио.

Когда мы объезжали квартал в седьмой раз, то услышали сирену... Сначала она была тихой, потом стала громче. Кузен Луи тут же остановился и приказал всем выйти из салона. Затем он резко тронулся с места, и «Кадиллак» исчез в поднявшейся пыли. Не успели мы и глазом моргнуть, как показалась полицейская машина. Мы увидели, как она догоняет желтый «Кадиллак», пытавшийся повернуть налево. Но наш переулок очень узкий, и машина, не сумев развернуться, врезалась в уличную лампу.

Марин закричала, и мы бросились бежать вдоль улицы, туда, где мигала синим полицейская сирена. Капот «Кадиллака» был сплюснен, как нос аллигатора, но кузен Луи не пострадал – только набил синяк на лбу и разбил губу. Полицейские заковали его в наручники и усадили на заднее сиденье своей машины. Когда они тронулись с места, мы помахали им вслед.

Марин

Приятель Марин живет в Пуэрто-Рико. Она показывает его письма и заставляет пообещать, что мы никому не расскажем: они поженятся сразу же, как она вернется на родину. Она говорит, что у него пока нет работы, но она откладывает часть денег, вырученных от продажи косметики, и заботится о кузенах и кузинах.

Марин говорит, если она останется здесь еще на один год, то найдет настоящую работу где-нибудь в центре, потому что именно в центре находятся все хорошие работы и именно в центре тебе всегда нужно быть красивой и хорошо одеваться – чтобы встретить кого-нибудь в метро, выйти замуж и переехать жить в большой красивый дом где-нибудь далеко-далеко.

Но в следующем году родители Луи отправят Марин обратно к ее матери, а в письме напишут, что она доставляет слишком много неудобств. И это плохо, потому что Марин мне нравится. Она старше и много всего знает. Именно она рассказала нам, как забеременела Дэйви, сестра Бэби, и то, каким кремом лучше пользоваться для избавления от волос на лице, и что если посчитать количество белых пятен на ногтях, то можно узнать, сколько мальчиков думает о тебе, и много-много других вещей, которых я уже не помню.

Марин нельзя выходить из дома, пока ее тетя не вернется с работы, но даже тогда она не может уйти дальше крыльца. Каждую ночь она слушает радио. Когда в комнате ее тети гаснет свет, Марин зажигает сигарету. Она закуривает ее даже тогда, когда на улице холодно, или не работает радио, или нам нечего друг другу сказать. Марин говорит, очень важно, чтобы мальчики видели нас, а мы – мальчиков. И так как юбки Марин короче наших, а глаза сияют ярче и она старше во многих смыслах, мальчики действительно останавливаются у ее окон и говорят глупые вещи вроде: «Я влюблен в твои глаза, они похожи на два больших яблока. Почему бы тебе не подарить их мне?» И Марин просто смотрит, не моргая, и не боится.

Марин, теперь она где-то далеко, в одиночестве танцует под уличным фонарем и поет все ту же песню. Я знаю. Я знаю, что она ждет машину, которая остановится для нее. Звезду, которая упадет для нее. Ждет того, кто изменит ее жизнь.

Те, кто не...

Те, кто ничего не знает о нашем районе, боятся его. Они думают, что мы опасны. Что нападём на них с острыми ножами в руках. Они – глупые люди, которые потерялись в городе и забрели сюда по ошибке.

Но мы не боимся. Мы знаем, что косоглазый парень – это Дэйви, брат Бэби, а тот долговязый в соломенной шляпе – муж Розы, Эдди В., а здоровяк, который выглядит как глупец-переросток, – Толстый Мальчик, хотя он не толстый и совсем не мальчик.

Вокруг одни темнокожие, мы в безопасности. Но стоит нам забрести в чужой район, в котором живут люди с другим цветом кожи, коленки начинают трястись, мы накрепко закрываем окна машин и с опаской оглядываемся по сторонам. Да. Все именно так.

Жила-была старая женщина, у которой было много детей, и она не знала, что с ними делать

У Розы Варгас чересчур много детей. Конечно, ее вины в этом нет, она просто их мать. Одна на всех.

Варгасы плохие, да и не могли бы стать другими, ведь у них только одна мать, которая устала штопать, кормить и воспитывать и которая плачет каждую ночь, тоскуя по мужу, который ушел, не оставив ни записки с объяснениями, ни даже доллара на еду.

Дети прыгают между машин, и висят вниз головой на перекладинах, и ломают себе руки-ноги так часто, что кажется, будто они хрупкие, как фарфоровая ваза. Они думают, это весело. Они живут без уважения ко всему живому, даже к самим себе.

Спустя какое-то время всем надоело волноваться за чужих детей. Однажды они затеяли какую-то опасную игру на крыше лавки мистера Бэнни.

– Эй, ребята, вам что, делать нечего? Немедленно спускайтесь, сейчас же!

И они попросту плюнули ему на голову.

Видите, что я имею в виду? Неудивительно, что до них никому нет дела. Все перестали волноваться о них. Возможно, это случилось, когда маленький Эфрен сломал кривой зуб о счетчик на стоянке и даже не попробовал остановить Рефуджию, пытавшуюся пролезть через задние ворота и застрявшую между перегородок; возможно, когда Энджел Варгас хотел научиться летать и шлепнулся об асфальт, как сырой сахарный бублик, как падающая звезда, которая, рухнув на землю, не сказала даже «ой».

Алисия, видящая мышей

«Закрой глаза, и они исчезнут, – говорит ей отец. – Ты просто придумываешь. В любом случае у женщины есть только одно занятие – спать, чтобы очнуться засветло, с самой последней угасающей звездой, как раз в то время, когда можно заметить и разогнать паразитов, шуршащих за четырехногим умывальником и под распухшими половицами, которые так никто и не починил».

Алисия, у которой умерла мать, очень сожалеет о том, что в доме нет женщины старше, которая могла бы просыпаться рано утром и готовить обед. Алисия унаследовала материнскую скалку и ее сонливость. Она молода и умна и только что поступила в университет. Приходится ездить туда на двух поездах и автобусе, и она делает это, потому что не хочет провести всю жизнь на заводе или кухне. Она хорошая, мы дружим, она учится всю ночь и видит мышей. Тех самых, которые, со слов ее отца, не существуют. Она не боится ничего, кроме этих комочков шерсти с лапками. И отцов.

Дариус и облака

Неба никогда не бывает слишком много. Ты можешь уснуть и проснуться, опьяненный им, и оно может приободрить тебя, когда ты грустишь. Здесь, на Манго-стрит, слишком много грусти и слишком мало неба. Бабочек мало, как и цветов и всех других красивых вещей. И все же мы довольствуемся тем, что имеем, и стараемся этим насладиться.

Дариус, который не любит школу, иногда ведет себя как дурак и по большей части таков и есть на самом деле, сказал сегодня нечто умное, хотя обычно он почти не разговаривает. Дариус, который бежит за девочками, размахивая петардами или палочками, которыми тыкал в крыс, и считает себя крутым, указал на небо и сказал, что мир полон облаков, похожих на подушки.

– Видите вон то жирное облако? – произнес он. – Вот это? Там? Вот то, рядом с ним, похоже на попкорн. И вон то. Посмотрите! Это Бог, – добавил Дариус.

– Бог?.. – спросил кто-то из младших.

– Бог, – вот так просто ответил он.

И еще немного облаков

Говорят, у эскимосов существует тридцать различных названий для снега. Я знаю. Я читала об этом в книге.

– У меня есть кузина, – говорит Рейчел. – У нее три разных имени.

– Нет тридцати видов снега, – добавляет Люси. – Только два. Чистый и грязный, грязный и чистый. Только два.

– Снега миллион миллионов видов, – присоединяется Нэнни. – Нет одинаковых снежинок. Но как запомнить, какая из них какая?

– У нее три вторых имени и, дайте-ка подумать, два первых. Одно английское, а другое – испанское...

– У облаков есть как минимум десять разных названий, – сообщаю я.

– Названия облаков? – спрашивает Нэнни. – Имена, как у тебя и у меня?

– Вон там – кучевые облака!

Все смотрят вверх.

– Кучевые облака миленькие, – произносит Рейчел. Конечно, она *должна была* сказать что-то в этом роде.

– А там что? – Нэнни указывает пальцем куда-то.

– Тоже кучевые. Они сегодня все такие. Кучевые, кучевые, кучевые.

– Нет, – возражает она. – Вот то облако зовут Нэнси, или Поросячий Глаз. Чуть выше – кузины Джоуи, Марко, Нереида и Сью.

Облаков много, и все они разные. Сколько видов вы можете себе представить?

Посмотрите, вон те выглядят как пена для бритья...

Филлис, Тед, Альфредо и Джули...

Рейчел говорит, что существуют облака, похожие на стадо белых овец. Такие – мои любимые.

Не забывайте о дождевых облаках, вот они – это что-то!

Хосе и Дагоберто, Алисия, Рауль, Эдна, Альма и Рики...

Есть облака, большие и белые, будто бы опухшие. Они похожи на твое лицо, когда ты просыпаешься утром, заснув в одежде.

Рейнальдо, Анджело, Альберт, Армандо, Марио...

Не мое лицо. Как твое жирное лицо.

Рита, Марджи, Эрни...

Чье жирное лицо?

Жирное лицо Эсперансы, кого ж еще. Как жирное уродливое лицо Эсперансы, когда она приходит в школу по утрам.

Анита, Стелла, Деннис и Лоло...

Кого ты назвала уродиной, уродина?

Ричи, Йоланда, Гектор, Стиви, Винсент...

Не тебя. Твою мать.

Мою мать? Лучше бы ты этого не говорила, Люси Гурреро. Лучше бы попридержала язык за зубами... иначе ты больше никогда не будешь моей подругой.

Я говорю, что твоя мать уродлива, как... ммм... как босые ноги в сентябре!

Вот и все!

Вам обоим лучше убраться из моего сада, пока я не позвала братьев.

А, они в шутку.

Я могу придумать тридцать слов по-эскимосски для тебя, Рейчел. Тридцать слов, которые скажут, кто ты такая.

Хотя нет, я могу придумать больше.

Эй, Нэнни. Достань-ка метлу. Слишком много грязи сегодня в саду.

Фрэнки, Лича, Мария, Пиви...

Нэнни, лучше скажи своей сестре, что она сумасшедшая, потому что мы с Люси больше сюда никогда не вернемся. Никогда.

Регги, Элизабет, Лиза, Луи...

Ты можешь делать что угодно, Нэнни, но если хочешь остаться моей сестрой, лучше никогда больше не говори с Люси или Рейчел.

Знаешь, кто ты такая, Эсперанса? Ты как разварившаяся овсянка. Как набитая шишка.

Как постельный клоп. Точно, это ты.

Розмари, Далия, Лили...

Варенье из тараканов.

Джин, Герань и Джо...

Холодная *frijoles*².

Мими, Майкл, Моу...

Frijoles твоей мамы.

Кривые пальцы на ногах твоей мамы.

Это глупо.

Бебе, Бланка, Бэнни...

Кто глупый?

Рейчел, Люси, Эсперанса и Нэнни.

² Фасоль (исп.).

Семья с маленькими ногами

Жила-была семья. Все в ней были маленькими. Их руки были маленькими, их ладони были маленькими, и роста они были небольшого, и их ноги были очень маленькими.

Дедушка спал на диване в гостиной и храпел, стиснув зубы. Его ноги были жирными и рыхлыми, как толстое разваристое тамале³, и он припудривал их тальком и впихивал в белые носки и коричневые кожаные туфли.

Ножки бабушки были маленькими, как розовые жемчужины, она обувала вельветовые туфельки на каблуках и ходила, пошатываясь, но все равно носила эту обувь, потому что именно в ней выглядела привлекательно.

У малыша было десять пальцев на ногах, бледных и прозрачных, как у саламандры, и он принимался их сосать, когда был голоден.

Ноги матери, полные, но аккуратные, похожие на вышитых белых голубей, которые скакали на пол, вниз, по деревянным лестницам, по клеточкам классиков – пять, шесть, семь! – и взмыли в небо.

– Хотите?

Она протянула бумажный пакетик, в котором мы обнаружили одну пару лимонно-желтых туфелек, одну пару красных и одну пару балетных, которые когда-то были белыми, но теперь стали пыльно-голубыми. Мы поблагодарили и дождались, пока она уйдет на-верх.

Уррра! Сегодня мы Золушки, потому что обувь нам по размеру, и мы смеемся, глядя на ноги Рейчел, напялившей серый женский носок на одну ногу и женские туфли на каблуках – на другую. Вам нравятся эти туфли? По правде говоря, очень страшно посмотреть на ногу, которая больше не твоя, и увидеть, что она длинная-предлинная.

Всем нужен честный обмен. Лимонно-желтые туфельки за красные, красные – за те, что когда-то были белыми, а теперь – пыльно-голубые, пыльно-голубые – за лимонно-желтые, а потом снять их и надеть снова, пока не устанешь.

Затем Люси кричит, чтобы мы сняли носки, и да, она права. У нас есть ноги. Тощие и испещренные глянцевыми шрамами, с которых мы старательно сдирали корку, но эти ноги – наши, на них приятно смотреть, и они длинные.

Рейчел быстрее всех учится напыщенно ходить на этих волшебных каблуках. Она учит нас, как сгибать и разгибать колени и бегать слаженно, как две скакалки, и как элегантно исчезать за углом и делать так, чтобы туфли исчезали вместе с тобой. Люси, Рейчел и я идем, пошатываясь. Скрываемся за поворотом, чтобы на нас не пялились мужчины. Потому что те смотрят на нас, как на рождественские подарки.

Мистер Бэнни из бакалейной лавки отрывается от сигареты и деловито спрашивает:

– Ваша мама знает, что вы достали такие туфли? Кто дал вам их?

– Никто.

– Это опасно, – говорит он. – Вы, девочки, слишком маленькие для того, чтобы носить такую обувь. Снимите их, пока я не позвонил в полицию.

Мы просто убегаем.

Когда мы выбегаем на широкую улицу, мальчик на самодельном велосипеде кричит нам вслед:

– Девчонки, давайте слетаем на небеса!

Вам нравятся эти туфли? Рейчел говорит, что да, и Люси тоже, и я – это лучшие туфли на свете. Мы больше никогда не наденем другие. Вам нравятся эти туфли?

³ Тесто из кукурузной муки, обернутое кукурузными листьями, приготовленное на пару.

Напротив прачечной шесть девочек с толстыми лицами делают вид, что не видят нас. Они кузины, поясняет Люси, всегда завидуют. Мы идем дальше.

Через дорогу на крыльце у таверны сидит бездомный.

– Вам нравятся эти туфли?

– Да, малышка, – отвечает он. – Твои лимонно-желтые туфельки такие красивые. Но подойди поближе. Я не могу их рассмотреть. Ближе. Пожалуйста. Ты очень красивая, – продолжает нищий. – Как тебя зовут, красавица?

– Рейчел, – вот так просто отвечает Рейчел.

Теперь вы знаете, что разговаривать с пьяницами опасно, а еще хуже – говорить им свое имя, но кто может винить Рейчел? Она молода и неопытна, и ей лестно слышать столько приятных слов в свой адрес, даже если это в бездомном говорит виски.

– Рейчел, ты такая славная, как то дорогущее желтое такси. Ты это знаешь?

Нам это не нравится.

– Нам пора, – говорит Люси.

– Если я дам тебе доллар, ты поцелуешь меня? Как насчет доллара? Я дам тебе доллар. – Он шарит по карманам в поисках мятой бумажки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.